

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА (НАВСТРЕЧУ II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА»)

20–22 октября 2005 г. в Московском гуманитарном университете состоится II Международная научная конференция «Высшее образование для XXI века». Конференция проводится с целью обсуждения позиций относительно стратегии высшего образования в условиях новых глобальных возможностей и рисков. В число организаторов конференции входят Московский гуманитарный университет, Департамент образования города Москвы, Институт философии Российской академии наук, Институт психологии Российской академии наук, Институт социологии Российской академии наук, Институт экономики Российской Академии наук, Российская академия образования, Национальный союз негосударственных вузов, Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области, Международная академия наук (IAS). Конференция поддержана Российским гуманитарным научным фондом.

Программа конференции предусматривает проведение пленарных заседаний и секций по темам «Негосударственный сектор высшего образования: проблемы развития», «Социология высшего образования», «Экономика высшего образования», «Психологические проблемы высшего образования», «Философия высшего образования», «Педагогика и образование», «Высшее образование и мировая культура», «Социальное образование», «Воспитание и развитие личности студента в современном вузе».

В нашем журнале мы публикуем ряд статей, посвященных проблематике конференции.

М. В. ТЛОСТАНОВА

Судьба университета в эпоху глобализации

Университет был, как известно, детищем европейского средневековья, более того, детищем монастырей и монастырских школ, и, соответственно, его принципами и источниками с самого начала стали христианство и философский универсализм (отсюда и само слово «университет»). И в этом смысле уже средневековый университет установил определенную конфигурацию геополитики знания, под гнетом которой мир существует и сегодня.

Однако более важным для развития университета, несомненно, явился период Ренессанса и то, что последовало за ним. История университета как института и его современное состояние должны обязательно рассматриваться через призму аккумуляции знаний и смыслов. И здесь можно процитировать недавнюю статью Валтера Миньоло, который отмечает, что начиная с европейского Ренессанса и европейской колониальной экспансии в XVI в. аккумуляция капита-

ла шла рука об руку с аккумуляцией знаний, а значит, в институциональном смысле была тесно связана с развитием университетов¹.

В европейском Ренессансе фигура гуманиста, как известно, сменяет фигуру скриптора, хотя продолжают оставаться знаменитые «тривиум» и «квадривиум», как и принятые в позднем средневековье дисциплинарные деления на юриспруденцию, политическую философию, историю, грамматику, поэтику, риторику, математику, музыку и диалектику. Но именно тогда, в эпоху позднего Ренессанса, возникают и первые неевропейские университеты — прежде всего, в Центральной и Южной Америке, чья история очень хорошо демонстрирует дисконтинуальность в развитии универсалистской европейской идеи университета.

К концу XVIII в. секуляризация, французская революция, Просвещение приводят к перераспределению и переосмыслению знаний и к появлению так называемого кантовско-гумбольдианского университета (по определению исследователя Ридингса²), который соответствует времени образования и пафосу наций-государств и является мощнейшим проводником их идеологии. В XIX в. появляются, как известно, социальные науки, необходимые для организации управления, гражданского общества и т. д., и в конце XIX в. Дильтей уже рассматривает различие между естественными и гуманитарными науками, между объяснением и пониманием. Наконец, жестко разграничиваются науки о человеке, об обществе и о природе. Позднее эта узкая и весьма условная дисциплинарность будет возведена в ранг естественного, нормального, испокон века существовавшего состояния. Как мы знаем, в этот период светская философия и наука заменяют и побеждают христианскую теологию и риторику. И вместо тривиума и квадривиума, стоявших на службе короны и церкви

ранее, в кантовско-гумбольдианском университете философия и науки находятся на службе возникавших наций-государств — как колоний, так и метрополий. Кантовско-гумбольдианский университет был, по определению Гегеля, университетом «сердца Европы» — т. е. Германии, Англии и Франции, в то время как ренессансный университет (университет первой фазы модерности) был университетом того, что стало позднее «Югом Европы» — т. е. Италии, Испании и Португалии. Университеты в России, как мы знаем, создаются достаточно поздно и именно в этом кантовско-гумбольдианском смысле, целиком на основании немецкой и в меньшей мере французской модели. Более того, можно сказать с некоторыми натяжками, что в большой мере наши отечественные университеты, я имею в виду серьезные учебные заведения с давними традициями, такие как МГУ, соответствуют именно этой логике кантовско-гумбольдианского университета и до сегодняшнего дня — лишь с очень небольшими вкраплениями корпоративного университета.

Но что же такое корпоративный университет? По существу, он рождается в период после Второй мировой войны, главным образом, с 1970-х годов, когда США постепенно начинают играть ту роль, которую до сих пор играла Западная Европа. Это эпоха холодной войны, которой, по словам Хомского, соответствует и особый университет холодной войны³. И эта эпоха характеризуется выходом на первый план так называемых социальных наук вместо гуманитарных. Но это еще и эра массовой деколонизации, что в тех же США порождает особый тип или отрасль социальных исследований, который называется *area studies*, или «региональные исследования», если достаточно грубо перевести на русский язык. И здесь можно провести своеобразную параллель — если

¹ Mignolo W. Globalization and the Geopolitics of Knowledge. The Role of the Humanities in the Corporate University (работа находится в печати).

² Readings B. The University in Ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

³ Chomsky N. et al. The Cold War and the University. N.Y., New Press, 1997.

западный ориентализм соответствовал эпохе главенства гуманитарного знания, т. е. кантовско-гумбольдинаскому университету с его расцветом позитивистски понятых гуманитарных наук, таких как, скажем, компаративистика во всех видах, то региональные исследования явились уже порождением социальных наук, которые целиком подавили собой гуманитарные. Прежняя цивилизаторская миссия в этот период сменяется на так называемый дискурс развития и модернизации, и теперь уже американский университет начинает навязывать остальному миру путем своих социальных наук определенный тип модернизации и знаний.

Итак, вторая половина XX в. — это время смены кантовско-гумбольдинского университета на корпоративный, который является детищем глобализации, постнационализма, и прежде всего такой ее черты, как ослабление наций-государств. По-настоящему последствия корпоративного университета стали ясны только с концом холодной войны, с распадом СССР, когда они автоматически стали переноситься на все страны — бывшего первого, второго, третьего и четвертого миров.

Сегодня, в эпоху глобализации с ее тиранией рынка и корпоративной культуры, университет находится, как никогда, на перекрестке взаимодействия между знанием, государством, политикой и гражданским обществом, и прежде всего экономикой. Корпоративный университет зачастую становится проводником ценностей нелиберального государства, нужд корпораций или гегемонных концепций универсального знания. И существует он в основном в соответствии с принципами эффективности и превосходства, которые заменяют все другие ценности и навязываются повсеместно как основные принципы продуцирования знания в современном мире. Но это принципы, как бы они ни защищались не только мировым Севером или Западом, но и теперь уже, парадоксально, и мировым Югом или бедным Севером, как угодно, по-прежнему оставляют все, что не принадлежит области богатого

Севера, в состоянии колониальной зависимости, которая соответствует никуда не исчезнувшей в эпоху глобализации логике имперско-колониального различия. Эффективность и превосходство оборачиваются против бывшего второго, третьего и четвертого миров, и в том числе против нас с вами.

В отношении университетских преподавателей, кафедр, факультетов — это корпоративный «контроль качества»: требования к профессуре публиковаться в рецензируемых журналах, регулярно отчитываться о своих научных исследованиях и публикациях. Корпоративный университет, несомненно, ведет к упадку основных государственных университетов на Западе и в странах третьего мира (России, правда, это пока не грозит в такой мере) и снова к прямому соответствию накопления финансов и накопления и продуцирования знания, что остается основной чертой капитализма и западного университета как во многом его порождения. Новые частные университеты, которые активно создаются в эпоху корпоративного университета, являются чаще всего лишь центрами профессионального и технического обучения, но никак не критического мышления, политической или общественной активности и т. д. Здесь есть, конечно, исключения, но я говорю сейчас о правиле. Философия и гуманитарные дисциплины в частном корпоративном университете почти сведены на нет.

Основные принципы корпоративного университета претворяются в жизнь сегодня очень мощными инструментами — такими как Интернет, медиатехнологии, что открывает новые возможности продуцирования и распределения знаний, но снова наблюдается знакомая закономерность — первый мир пользуется Интернетом для продуцирования и дессименации знания, а третий скорее для игры в компьютерные игры или в лучшем случае для пассивного потребления знаний, которые уже были произведены миром первым. Кроме того, ризоматические, междисциплинарные связи и вообще процесс междисциплинаризации знания влияют на то понятие о знании, на те дисциплинар-

ные деления, которые были унаследованы от кантовско-гумбольдтианского университета. Они бесконечно устарели, как, например, само жесткое деление на гуманитарные, социальные и естественные науки.

Сегодня историко-структурная зависимость все еще характеризует мир и в экономическом, и прежде всего в эпистемологическом смысле. Развитие капитализма в эпоху модерности обнаружило поразительный параллелизм с развитием научных практик и, по-видимому, отнюдь не случайно, что и то и другое приходит к кризисному состоянию примерно одновременно. Модерность приносит с собой логику, согласно которой Азия, Африка, Латинская Америка, периферическая Европа становятся источником культуры, естественных ресурсов, информации, которой могут пользоваться представители корпоративного университета, сосредоточенного прежде всего на мировом Севере, но никак не источником знания, философии или эпистемологии. И в этом, вероятно, кроется основная причина бессмысленности автоматического переноса корпоративной модели университета на эти не западные и не вполне западные пространства. Это равносильно использованию советов МВФ в области экономики и финансовой системы, что привело, как известно, к экономическому кризису нескольких стран, в том числе и нашей. К сожалению, модель корпоративного университета, созданная в США, активно навязывается сегодня в России, и это чревато столь же серьезными последствиями и в принципе невыполнимо. Ведь существует проблема «эпистемологической зависимости», а не только экономической — она очевидна для стран третьего мира на сегодняшний день, но не для нас с вами пока, поскольку Россия привыкла мыслить себя частью Европы, как бы смешно это ни звучало для Европы и как бы последняя не продолжала практиковать двойные стандарты, основанные на искусном исключении в отношении нас. Ведь даже если внешне мы будем соответствовать неким требованиям и принципам корпоративного университета, начиная

от idiotических тестов и заканчивая проповедью эффективности и выращиванием узкопрофессиональных специалистов, это все равно не сделает наш университет конкурентоспособным или даже по-настоящему корпоративным, если принять корпоративность за некий абсолютный идеал. Западный частный университет, как известно, не существует на деньги студентов, как это часто происходит у нас, а зарплата преподавателя не зависит напрямую от того, насколько много доек он поставил. Более того, мы все равно не будем допущены — во всяком случае, в обозримом будущем — в сферу смысла и знание-творения, определяемого мировым Севером, потому что деньги и власть, целиком диктующие продуцирование знания, находятся не в наших руках.

На мой взгляд, ошибкой здесь является распространенная сегодня ламентация по поводу того, что у нас, дескать, была прекрасная система образования, а теперь мы ее утратили и обратились к Западу. Все-таки все было не совсем так. Русская, а затем советская система образования была детищем все той же кантовско-гумбольдтианской модели, причем по мере геополитических изменений в мире мы тоже реагировали каким-то образом на, скажем, создание университета холодной войны на Западе, создавая его противовес в СССР. У нас тоже появился свой вариант *area studies* — региональных исследований, воплощенный в таких институтах, как востоковедение, славяноведение и балканистика, Институт США и Канады (это попытка не просто изучать врага, но и применить против него его же оружие в ограниченном виде, сделать врага не источником знаний и философии, а материалом антропологического анализа) и т. д. Но важно здесь то, что в эпистемологическом смысле и наша наука, и наше образование не представляли собой ничего нового, это было повторение с небольшой вариацией западноевропейской модели, порожденное хроническим вторичным европоцентризмом и комплексом неполноценности, который отсюда проистекает.

Однако альтернативные модели университета в мире есть, и, возможно, их опыт следует учесть и нам в будущем. Иначе мы останемся в ситуации колониальных суррогатов западного университета, которые очень хотят, но не могут до конца быть европейскими. Продолжает действовать простая логика — там, где деньги и власть, там и знания и образование. Мы можем с этой логикой не соглашаться, но факт остается фактом — тот, в чьих руках сосредоточена власть и деньги, сегодня властен и решать, где будет производиться знание, в том числе и прежде всего гуманитарное, какое это будет знание, как оно будет распространяться, кто будет его проводниками и получателями и т. д. Россия в этом смысле, мне кажется, будет обречена все больше на роль поставщика культуры (а не философии) и естественных ресурсов. Прежняя советология в тех же США не случайно сегодня лихорадочно перестраивается на некий странный гибрид антропологии и региональных исследований, только теперь в отношении не СССР, а России и ее прежних и нынешних колоний.

Честно говоря, я особых перспектив на будущее не вижу, если только мы не попытаемся создать альтернативную модель университета. Но это утопия — потому что в отличие от той же Латинской Америки, где продолжала существовать подспудно, параллельно с западной историей университета другая история знания, образования, связанная с индихинными индейскими традициями, и именно она сегодня очень интересным образом возрождается, например, в Межкультурном университете в Эквадоре, где преподавание ведется не на основе западноевропейской традиции, а на основе индейской эпистемологической индихинной модели¹, где европейское наследие включено в программу, но не является главным, — в России практически не сохранилось таких ростков альтернативного знания, если оно су-

ществовало когда-то, потому что даже пресловутый сегодняшний национализм, в том числе и в образовании, — суть порождение западноевропейской культуры, в ее терминах формулируется и никуда за ее рамки не выходит. А эквадорский университет — это попытка переписать историю университета заново, предложить его незападную альтернативу, в которой в качестве знания расценивались бы все модели — не только западная, но и не западные. И попытка эта пока в целом очень успешная. Даже степени припускаются здесь в соответствии с эпистемологической и языковой традицией культуры «кечуа» или «айамара». При этом главное в стратегии образования в этом университете — не дать студентам сумму фактов, неких абсолютных знаний, а позволить им научиться «быть» или, более точно, — «быть собой», что обязательно связано не только с овладением неким позитивным знанием, но и с необходимостью его соотнесения с личным и общественным непосредственным опытом. У нас такой альтернативной традиции нет, и поэтому возрождать, собственно, нечего. Возвращение к принципам кантовско-гумбольдианского университета, которое многие сегодня проповедают, не может быть эффективным, потому что не соответствует логике глобализации. Даже если мы хотим с ней бороться, в том числе и путем образования, мы должны это делать в одной с ней весовой категории, а модель нации государства, которой соответствует кантовско-гумбольдианский университет и, соответственно, и российская система образования, этого сделать не могут на сегодняшний день.

Несомненно, что в новой альтернативной модели университета, которую необходимо создать в противовес корпоративному, должна вновь вырасти роль гуманитарных наук, оказавшихся в загоне в последние 60 лет в мире, когда они превратились в ненужный довесок эффективному научному технологическому знанию, которое якобы

¹Mignolo W. Globalization and the Geopolitics and Knowledge...

обеспечивает прогресс человечества. Должно произойти возрождение гуманитарных наук, которые бы действовали в сфере понимания, вчувствования, и критического, а не только позитивного знания. Нужно учитывать, что любое знание, в том числе и не гуманитарное, является знанием человеческим, этого удела пока не может избежать никто, и значит, каждый ученый или преподаватель, в какой бы области он ни работал, несет ответственность перед гуманитарными науками в смысле критической, этической и политической ответственности в продвижении, распространении, трансформации и применении знаний.

Внутри неолиберальной системы государства и демократии, по-видимому, и в XXI в. будет развиваться в дальнейшем корпоративная модель университета. Но для нашей страны это путь тупиковый, мы здесь всегда будем оставаться не у дел, на положении периферии, пассивных получателей знания, копирующих западную модель, но в силу нашей подчиненности в смысле экономики и власти, что бы мы ни делали в нашем стремлении перещеголять Запад, мы все равно будем обречены остаться в хвосте, если не выйдем за рамки этого корпоративного университета.

Вторая модель, воплощенная в эквадорском университете, мне кажется более плодотворной, и, возможно, ее можно постараться воспроизвести, хотя и с некоторыми

вариациями, в других странах. Это университет, который движим идеей критического космополитизма, это образование, финальная цель которого — генерировать одновременно с позитивным знанием обязательно критическое понимание, которое сбалансировывает принципы эффективности и справедливости, развития и демократии, свободы и одновременно насилия, которое применяется нередко для защиты этой свободы, иначе говоря, весь тот набор трескучих западных понятий, который стал общим местом и совершенно потерял смысл на сегодняшний день. И здесь, мне кажется, именно критический вирус гуманитарных наук с их отсутствием позитивного и абсолютного знания может спасти университет как институт в XXI в. Только это может произойти лишь при условии, что гуманитарные науки уйдут из-под абсолютного влияния западноевропейской эпистемы и превратятся в пограничное критическое мышление, в котором все традиции равноправны и ни одна не является абсолютной точкой отсчета или нормой.

Следующим шагом в развитии университета тогда может стать предложенное В. Миньоло понятие — его превращение из «университета» в «плюри-верситет»¹, который уже не будет контролироваться корпорациями и империями и где незавершенный изнутри проект западной модерности не будет основным, но только одним из возможных.

¹Mignolo W. Globalization and the Geopolitics and Knowledge...